

Глава 3: Белая лилия на ветру, у каждого свои козни

Жизнь Линь Сяо на «закалке» во внешнем секторе почти не изменилась после заключения временного союза с Гу Вэем. Днём он выполнял положенную повинность — ухаживал за полузасохшим полем духовного риса, а по вечерам возвращался в свою лачугу. Большую часть времени он проводил в медитации, пытаясь с помощью знаний о сохранении энергии и гидродинамике из прошлой жизни направить ледяную духовную силу, бурлившую внутри.

Процесс шёл со скрипом, но прогресс был поразительным. Он обнаружил, что обладает сверхъестественной точностью в микроуправлении духовной энергией.

Гу Вэй, сидевший в углу, с того самого дня стал словно тень — молчаливый и нелюдимый. Лекарство, которое дал ему Линь Сяо, он использовал, и раны заживали с невероятной, выходящей за все рамки логики скоростью. Между ними почти не было общения, но в лачуге установилось странное равновесие. Линь Сяо не тревожил «затишье» Гу Вэя, а тот молчаливо принял существование Линь Сяо как своего соседа.

В один из послеполуденных часов, когда Линь Сяо только закончил полив поля (водой, которую он тайно очистил с помощью крохотной крупы своей ледяной силы) и собирался найти тенек для продолжения своих изысканий, за спиной раздался робкий, нежный женский голос:

— Простите... могу я спросить, вы старший брат Линь Сяо?

Линь Сяо обернулся.

Перед ним стояла девушка в скромном белом платье. У неё было чистое, изящное лицо, а в глазах читалась невинность человека, не знающего превратностей мира. Её веки слегка покраснели, и она выглядела словно испуганный оленёнок — зрелище, вызывающее жалость. От неё исходил чистый аромат трав, а уровень культивации находился примерно на средней ступени Заклятия Ци — намного выше, чем у обычных учеников внешнего сектора.

— Это я, — кивнул Линь Сяо. Его лицо оставалось спокойным, но в душе мгновенно сработал сигнал тревоги. Он узнал этот типаж. В прошлой жизни в университете так выглядели те самые «чистые первокурсницы», которые мастерски маневрировали между всеми кружками и всегда получали лучшие ресурсы.

— Я... меня зовут Лю Цинцин, я ученица пика Чжися, — девушка слегка опустила голову, обнажив тонкую белую шею, и в её голосе послышались слёзы. — Я... я познакомилась со старшим братом Гу Вэем, когда он ещё работал на грядках с лекарственными травами... Услышав, что он ранен, я места себе не находила. Умоляла наставницу очень долго, прежде чем она позволила мне прийти и навестить его...

Старейшина Чжи, одна из тех, кто заведовал внутренними делами секты и частью учениц, занимала не последнее место. Линь Сяо прищурился: информация сошлась. Эта Лю Цинцин была любимицей старейшины Чжи и, согласно воспоминаниям, той самой «младшей сестрой», которая проявляла доброту и даже некий намёк на симпатию к Гу Вэю, пока его духовный

корень был цел.

— Он внутри, — Линь Сяо отошёл в сторону, уступая дорогу. Его тон оставался ровным, словно у добросовестного проводника.

Лю Цинцин благодарно взглянула на него — в её глазах можно было увидеть собственное отражение.

— Благодарю вас, старший брат Линь Сяо.

Она грациозно двинулась к лачуге, но перед тем, как толкнуть дверь, обернулась, словно желая что-то добавить:

— Старший брат Линь, вы только прибыли во внешний сектор. Если будут трудности, можете... можете прийти ко мне на пик Чжися.

Линь Сяо лишь слегка кивнул, не давая ни согласия, ни отказа.

Лю Цинцин вошла внутрь. Линь Сяо не стал заходить следом, а прислонился к сухому дереву неподалёку. С виду он отдыхал с закрытыми глазами, но на деле максимально сосредоточился, чтобы уловить каждый звук из хижины.

— Старший брат Гу... — в голосе Лю Цинцин появились рыдания, и искренности в них стало гораздо больше. — Почему ты так сильно пострадал? Я принесла тебе лучшую золотую мазь от ран и пилюлю Застывшей Росы...

— Уходи, — голос Гу Вэя был ледяным, хриплым и отстранённым.

— Старший брат, не надо так... Я знаю, как тебе больно, — Лю Цинцин, по-видимому, подошла ближе, её голос звучал умоляюще. — Госпожа... она зашла слишком далеко! Не бойся, я не буду смотреть на тебя свысока, как остальные. Я придумаю, как тебе помочь...

— Помочь? — в голосе Гу Вэя послышалась неприкрытая насмешка. — Как именно? Используешь статус любимой ученицы старейшины Чжи, чтобы просить главу секты о справедливости? Или, может, своим древесным духовным корнем восстановишь мой повреждённый Даньтянь?

В доме наступила тишина.

Затем голос Лю Цинцин стал ещё мягче, даже с оттенком застенчивости:

— Старший брат Гу, я знаю, что сейчас ты мне не веришь. Но, пожалуйста, помни: мои чувства к тебе никогда не менялись... Просто... сейчас я слишком слаба, и многое мне не под силу. Тот старший брат Линь Сяо, говорят, обладает невероятным талантом. Если бы он мог...

— Пошла вон.

Гу Вэй произнёс лишь одно слово, ледяное и колючее, пропитанное самой настоящей жаждой убийства.

Лю Цинцин, испугавшись, тихо всхлипнула. Вскоре послышались шаги, и дверь отворилась.

Она вышла наружу. Её глаза были ещё краснее, а на ресницах дрожали слёзы. Заметив Линь Сяо у дерева, она, словно найдя того, кому можно пожаловаться, быстро подошла, полная обиды и беспомощности:

— Старший брат Линь, старший брат Гу... он не в духе. Я... приду навестить его в другой раз.

Она подняла заплаканные глаза и посмотрела на Линь Сяо с выражением обожания и уместной обеспокоенности:

— Старший брат Линь, живя здесь, будь осторожен. После случившегося характер старшего брата Гу стал таким резким и замкнутым. Я боюсь, что он может причинить тебе вред.

Линь Сяо открыл глаза и спокойно наблюдал за её представлением, мысленно усмехаясь. Она мастерски умела стравливать людей.

— Не стоит беспокоиться, младшая сестра Лю, — равнодушно ответил он. — Мы со старшим братом Гу неплохо ладим.

Лю Цинцин слегка опешила, явно не ожидая такой реакции. Она быстро взяла себя в руки и одарила его чистой, но с ноткой упрямства улыбкой:

— Что ж, хорошо. Видимо, я зря волновалась. Старший брат Линь, жизнь во внешнем секторе трудна. Если тебе понадобятся ресурсы для культивации или кто-то начнёт тебя обижать, обязательно скажи мне. У меня... у меня остались связи во внутреннем секторе.

Она ещё раз подчеркнула свою значимость и доброту, а затем, обернувшись несколько раз, неохотно удалилась. Её белое одеяние развевалось на ветру — она действительно была похожа на нетронутую белую лилию.

Линь Сяо проводил её взглядом, глаза его похолодели.

В этот момент из лачуги донёсся холодный голос Гу Вэя, в котором сквозила неуловимая усталость и раздражение:

— Насмотрелся?

Линь Сяо вернулся в дом и посмотрел на Гу Вэя, который снова сжался в углу, но теперь от него веяло ещё большей угрюмостью.

— Актёрская игра неплоха, эмоции яркие. Вот только слишком уж всё напоказ, расчёт написан на лице — уровень мастерства низковат.

Гу Вэй усмехнулся, открыл глаза и посмотрел на него. В его взгляде читалось полное разочарование в мире:

— Она всегда была такой. С этим своим жалким видом вытягивала из меня секреты аптечного сада и ресурсы, нужные ей для практики. Теперь, когда я стал отбросом, она нашла новую цель — тебя, гения с редким ледяным духовным корнем.

— Похоже, наша «младшая сестра» отлично понимает, как оптимизировать распределение ресурсов, — Линь Сяо использовал экономический термин с ноткой сарказма. Он сел на свою кровать. — За ней стоит старейшина Чжи? В каких отношениях старейшина Чжи с женой главы секты?

В глазах Гу Вэя промелькнуло удивление — он не ожидал такой проницательности. Помолчав, он всё же ответил:

— Чжи Ло — это цепная собака той женщины.

Одной фразы хватило, чтобы расставить всё по местам.

Линь Сяо всё понял. Таким образом, у визита Лю Цинцин было минимум три цели:

1. Выяснить текущее состояние Гу Вэя и доложить жене главы секты.
2. Попытаться сблизиться, переманить на свою сторону или даже подчинить его, «новое дарование».
3. Посеять зерно недоверия между ним и Гу Вэем.

— Кажется, она очень хочет, чтобы мы стали врагами, — заметил Линь Сяо.

Гу Вэй закрыл глаза, его голос звучал глухо:

— Потому что она боится. Боится, что два человека, загнанные ими в тупик, действительно могут объединиться.

В лачуге снова воцарилось молчание.

Но на этот раз в тишине родилось некое незримое взаимопонимание. Расчёт Лю Цинцин стал своего рода лакмусовой бумажкой, позволив двум настороженным душам смутно разглядеть своё сходство на этой шахматной доске, где их обоих пытались загнать в угол.

Враг моего врага не обязательно друг.

Но общий враг — это веский повод для временного союза.

На кончике пальца Линь Сяо неосознанно сформировался крошечный ледяной цветок и тут же растаял. Он посмотрел на тень в углу, впервые ощутив к будущему этого «незаконнорожденного сына главы секты» интерес, выходящий за рамки простых «инвестиций».

А Гу Вэй, пребывая в бесконечной тьме и ненависти, словно почувствовал дуновение слабого ветра перемен, не похожего на всё, что было раньше.

Эта партия игры из-за неожиданно появившейся фигуры — Ван Сюя — начала меняться.

<http://bllate.org/book/18949/1857430>